

(свыше 50 человек), не смотря на малочисленность прихода (немного больше 100 домовъ) и распространенность среди населенія позументнаго ремесла, которымъ занимаются поголовно всѣ и которое кажется, должно бы отрывать дѣтей отъ школы для помощи старшимъ, въ роли хотя бы нянекъ при малолѣтнихъ братишкахъ и сестренкахъ.

И когда поселянинъ видитъ, что школа прививаетъ питомцамъ этотъ желанный нашему доброму люду духъ церковности, когда онъ привыкаетъ смотрѣть на школу, какъ на подготовительницу дѣтей къ религіозной жизни, онъ призываетъ ее за свое созданіе—за свое собственное дѣтище, и, при всей своей нищетѣ, окружаетъ ее самыми искренними заботами. По крайней мѣрѣ краткая исторія нашей Жестылевской школы не позволяетъ дѣлать намъ иныхъ выводовъ.

Въ виду такого близкаго соприкосновенія школы и народа, естественно, что приходская школа имѣетъ великое нравственное вліяніе на окружающее населеніе. Такая школа является уже не чѣмъ то постороннимъ чуждымъ народу учрежденіемъ, а именно созданіемъ и, такъ сказать, осязательнымъ воспроизведеніемъ духа народнаго, который въ глубинѣ своего сердца непремѣнно тяготеетъ къ религіозности и къ церковности и требуетъ поэтому отъ школы образованія въ томъ-же духѣ. И если она оправдываетъ его довѣріе, то народъ считаетъ ее вторымъ послѣ храма училищемъ вѣры и благочестія.

А для этого школа должна быть поближе, поближе къ Церкви и народу.... Въ этомъ залогъ дѣйственности школы—въ этомъ ея живая душа.

Свящ. Г. Добронравовъ.

ПРОТОІЕРЕИ ЖИХАНЪЗЪ ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Продолженіе ¹⁾).

В своемъ Филаретовскомъ училищѣ онъ ревностно сталъ хлопотать объ открытіи общества вспоможенія бѣднымъ воспитанникамъ. Знакомый съ нуждою съ дѣтскаго возраста, онъ всею душою старался устроить это благотѣльное учрежденіе и собиралъ для сего пожертвованія между своими бывшими учениками и знакомыми. Богъ помогъ ему въ этомъ добромъ дѣлѣ, и общество открылось...

Но недолго пришлось послужить о. Михаилу и въ Филаретовскомъ. Проведенные имъ московскіе курсы обра-

тили на него вниманіе высшей церковной власти, и онъ былъ избранъ на открывшееся мѣсто помощника предсѣдателя Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, съ возведеніемъ въ санъ протоіерея. Только изъ послушанія волѣ начальства онъ рѣшилъ дать согласіе на такое высокое назначеніе. Ему тяжело было покинуть родную Москву, гдѣ такъ много было у него друзей, гдѣ протекла вся его жизнь... Съ грустью вспоминалъ онъ при этомъ святителя Сергія: „если бы живъ былъ покойный владыка, онъ не отпустилъ бы меня“, говорилъ о. Михаилъ. Отдохнуть ему опять не пришлось...

¹) См. № 1, 2, 3, 4, 6, 7, и 8.

А между тѣмъ его здоровье требовало отдыха. Кажется, никто не вѣрилъ, что онъ боленъ: такимъ свѣжимъ, молодежавымъ, крѣпкимъ казался онъ. Но еще въ Филаретовскомъ училищѣ съ нимъ случился припадокъ болѣзни, которая уже тогда показалась загадочной. Онъ неосторожно сталъ на столъ и упалъ; казалось бы, простой ушибъ не могъ имѣть такихъ послѣдствій, какія имѣло это падение. Въ Петербургѣ осенью припадокъ повторился. Врачи не поняли болѣзни и лѣчили отъ плеврита, отъ катарра желудка... Въ январѣ 1899 года опять случился припадокъ... Между тѣмъ, не предполагая опасности, почившій съ энергіей работалъ... Дѣло, ему порученное, было такъ ему дорого, такъ велико... Онъ только что былъ назначенъ предсѣдателемъ издательской комиссіи при Училищномъ Совѣтѣ, и въ его головѣ назрѣвали самые широкіе планы — дать народу именно ту духовную пищу, какой онъ просить, — взаимѣнъ того, что даютъ ему непрощенные радѣтели народнаго просвѣщенія...

Въ служеніи сему дѣлу, дѣлу народнаго просвѣщенія и церковной народнаго школы, онъ видѣлъ завѣтъ великаго Царя-Миротворца, котораго онъ такъ благоговѣнно читилъ. Онъ не могъ равнодушно говорить о великомъ монархѣ, смиренномъ христіанинѣ: онъ его сравнивалъ съ Александромъ Невскимъ, и въ жизни покойнаго Государя находилъ поразительныя черты сходства съ событіями въ жизни древнерусскаго Великаго Князя... По выходѣ въ свѣтъ книги объ Александрѣ Невскомъ, онъ поднесъ ее почившему Государю, и ему было особенно отрадно узнать, что эта книга осталась раскрытою въ томъ Петергофскомъ кабинетѣ, гдѣ рабо-

талъ идеальный Русскій Царь-праведникъ...

Петербургъ встрѣтилъ о. Михаила съ радостью: ему нуженъ былъ такой беззавѣтный работникъ. Трудно было и представить себѣ какъ широко развернулъ онъ свою дѣятельность въ зиму 98—99 годовъ. Помимо исполненія своихъ прямыхъ обязанностей по службѣ, онъ ревностно отдался работамъ съ цѣлю снабдить церковно-приходскія школы соответствующими ихъ задачѣ руководствами и пособіями; велъ по этому поводу большую переписку; чуть не каждую недѣлю произносилъ проповѣди въ синодальной церкви семи Вселенскихъ Соборовъ, печатая ихъ потомъ въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* или *С.-Петербургскомъ Духовномъ Вѣстникѣ*; принималъ участіе въ Обществѣ религиозно-нравственнаго просвѣщенія и Братства Пресвятыя Богородицы; состоялъ членомъ Палестинскаго Общества и особой Комиссіи по изданію иконописнаго подлинника, учрежденной при Комитетѣ Императорскаго общества любителей древней письменности; сотрудичалъ въ двухъ духовныхъ петербургскихъ журналахъ. Его стали осаждать просьбами — сказать въ томъ или другомъ собраніи рѣчь, дать въ тотъ или другой журналъ статью, сказать тамъ или тутъ слово... Въ то же время не забывалъ и дорогой его сердцу Москвы. Попрежнему не выходило почти ни одной книжки *Душеполезнаго Чтенія*, въ которой не было бы одной или двухъ его статей; попрежнему принималъ онъ участіе въ ежегодно устраиваемыхъ въ Москвѣ богословскихъ чтеніяхъ и въ мартѣ 99 г. прочиталъ въ залѣ Синодальнаго училища лекцію на тему: „Церковь и общество“, для чего, уже большою, нарочно пріѣзжалъ въ Москву

Въ церкви Милующей Божіей Матери, близъ которой онъ поселился, о. Михаилъ велъ каждое воскресенье бесѣды, читая предъ тѣмъ акаѳисты. Говорилъ онъ на этихъ бесѣдахъ просто, задушевно, какъ отецъ съ дѣтми. И народъ цѣнилъ бесѣды о. Михаила: церковь всегда бывала полна слушателями. Никто не хотѣлъ послѣ собесѣдованія уйти изъ церкви, не получивъ отъ о. Михаила благословенія. Чтобы объяснить причину этого успѣха, позволимъ привести себѣ нѣсколько строкъ изъ одной ненапечатанной проповѣди о. Михаила. Намъ кажется, что высказывая въ этой проповѣди свой взглядъ на православнаго проповѣдника, о. Михаилъ какъ будто охарактеризовалъ съ этой стороны самого себя, и въ этой характеристикѣ заключается объясненіе того могущественнаго вліянія, которое оказывали его собесѣдованія на народъ.

„Православный проповѣдникъ“, говорилъ о. Михаилъ, „говорить не отъ себя, не во имя свое является на этой священной кафедрѣ. Нѣтъ!... Огонь, проникая желѣзо, не внутри только желѣза содержится, но выходитъ наружу и являетъ свою огненную силу. Такъ и сила Духа Божія, согрѣвая чье либо сердце, становится ощутительна и для другихъ. Станетъ ли такой человѣкъ говорить о чемъ-либо духовномъ, все у него становится ясно и понятно, какъ среди дня, и слово его идетъ прямо въ сердце слушающихъ его и тамъ возжигаетъ святаго чувства. Да хоть и не говоритъ такой человѣкъ, такъ вѣетъ отъ него теплота, все согрѣвающая и сила дивная въ немъ, поразительно дѣйствующая на другихъ. Все это бываетъ съ тѣми, живущими въ комъ Божья сила, и живущими животворящая струя,

Живую душу пробудила...
 Во всѣхъ изгибахъ бытія“...
 „Будемъ вмѣстѣ молиться, чтобы Духъ Божій согрѣвалъ наши сердца, оживляя въ насъ душу. Теплая общая церковная молитва имѣетъ всеобщую силу: самъ Господь благоволитъ присутствовать среди собравшихся во имя Его и Ему молящихся. Господь среди насъ! Пусть эта мысль не отстаетъ отъ насъ ни на минуту въ храмѣ Божіемъ. О, вѣрьте, что Господь здѣсь взираетъ на насъ Своими свѣтлѣйшими солнца очами, что Онъ слышитъ сердечныя и проникнутыя вѣрою молитвы не только тогда, когда онѣ произносятся устами, но и тогда, когда онѣ зарождаются въ душѣ нашей,—и вы почувствуете дивную силу такой молитвы, вы будете выходить каждый разъ изъ храма обновленными, унося въ душѣ миръ, превосходящій всякій миръ. Есть нѣкоторый особенный путь общенія душъ черезъ сердце. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Одинъ духъ вліяетъ на другой чувствомъ. О, если бы согрѣло силою Духа Божія чувство любви хрістіанской переливалось здѣсь изъ одного сердца въ другое, объединяя всѣхъ въ одну семью чадъ Божіихъ!
 „Если бы, выходя изъ храма Божія, мы могли напомнить себѣ и другимъ слова вдохновеннаго Златоуста: „Выходя изъ церкви, человѣкъ не учитъ, не проповѣдуетъ, но небесное спокойствіе на лицѣ его, но взглядъ его очей, самый голосъ — все въ немъ внятно говоритъ небывшимъ въ храмѣ, какую радость вкусилъ онъ, какое благо получилъ здѣсь!... Нѣтъ выше, нѣтъ лучше мѣста на землѣ, какъ горящій духомъ молитвы православный храмъ!
 „Будемъ собираться здѣсь съ теплою сердечной любовью къ храму Бо-

жю, къ общей братской молитвѣ,—и Господь ниспослетъ Свое благословеніе на всю нашу жизнь, на всѣ наши житейскія отношенія!“

Проповѣдывалъ онъ и въ синодальной церкви, къ которой былъ причисленъ. А его публичныя рѣчи заставляли о себѣ говорить и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Но эти рѣчи стоили ему бессонныхъ ночей: днемъ онъ не имѣлъ времени ихъ писать. Въ Москвѣ, на второй недѣлѣ поста, онъ читалъ блестящую лекцію о Церкви и обществѣ. Когда мы ѣхали съ нимъ въ одномъ экипажѣ на эту лекцію, онъ сказалъ мнѣ: „не знаю, какъ прочитаю... сегодня такъ было не хорошо мнѣ“... Оказалось, утромъ съ нимъ былъ припадокъ болѣзни. Я совѣтовалъ ему обратиться къ врачамъ болѣе извѣстнымъ, чтобы по крайней мѣрѣ узнать, что это за болѣзнь. По возвращеніи въ Петербургъ онъ писалъ мнѣ: „Ты на меня не сердись, мой дорогой, что рѣдко пишу: все тотъ же вѣдь я, но Богъ посылаетъ испытанія. При полученіи твоего письма со мною случился снова припадокъ болѣзни. Страдалъ недѣлю, и, не довѣряя обычнымъ эскулапамъ, поѣхалъ къ профессору Я. Разказалъ все обо—и прибавилъ догадку, что у меня застарѣлый катарръ послѣ сидячей учительской жизни. Началось долгое изслѣдованіе организма...“

— Я не совсѣмъ согласенъ съ вашимъ диагнозомъ, сказалъ докторъ.

— Очень радъ, отвѣтилъ я.

— Ну не знаю, обрадуетесь ли. А сказать долженъ, чтобы вы знали, съ чѣмъ имѣете дѣло. У васъ страшная болѣзнь — грудная жаба на нервной основѣ. Перерожденіе сердца... Из-

лѣчить нельзя, какъ нельзя остановить посѣдніе волосы когда оно началось. Задержать, приостановить можно.

Только режимъ жизни — ой, ой... Показалась издали послѣдняя грань, а можетъ—и не издали. На все воля Божія!“

Такъ заключилъ свое—предпослѣднее письмо мой почившій другъ. На Святой недѣлѣ онъ писалъ мнѣ, что здоровье его значительно улучшилось, что надѣется — врачъ ошибся... Прочитавъ эти строки, я невольно подумалъ: себя ли ободряешь, или меня утѣшаешь, друже?... Въ недѣлю о Фомѣ онъ служилъ въ синодальной церкви, вечеромъ читалъ обычный акаеистъ у Милующей, говорилъ поученіе-бесѣду. Въ понедѣльникъ былъ въ канцеляріи Училищнаго Совѣта, занимался дѣлами; къ вечеру, говорятъ, жаловался на боль въ головѣ. Но ночь провелъ хорошо, всталъ утромъ бодрый и весело говорилъ съ домашними. Часовъ въ 11 онъ пошелъ въ свой кабинетъ, взялъ книгу, и не прошло пяти минутъ, какъ его супруга услышала хрипѣніе... Едва она подошла, какъ его сердце уже перестало биться... Призванный врачъ только удостовѣрилъ фактъ смерти... Ясно, что новый припадокъ болѣзни сразу парализовалъ дѣятельность сердца. Такъ тихо, безболѣзненно скончался нашъ незабвенный отецъ Михаилъ...

Только уже послѣ смерти для домашнихъ стала понятна его задумчивость въ послѣднія недѣли... Онъ видимо что-то скрывалъ отъ нихъ. Въ своихъ письмахъ ко мнѣ онъ не рѣдко подчеркивалъ слова: только бы Богъ далъ здоровья...

(Окончаніе слѣдуетъ).

